

Веч. Москва — 1998 — 11 сент. — С. 6

Мы еще не вполне его оценили

Юрий
ПОЛЕНОВ-КОРШАК

Сорок дней минуло с той роковой минуты, как 3 августа в 8 часов утра в Гамбурге перестало биться сердце Альфреда Гарриевича Шнитке.

Кто я, зачем и почему?

Немцы Поволжья подарили Шнитке мать, а она подарила его миру. И долго никто не знал, что делать с этим подарком.

Он родился 24 ноября — в один день с Суворовым; Тулуз-Лотреком и нидерландским философом Спинозой — в 1934 году в городе Энгельсе Саратовской области, и ему на роду было написано открыть этот мир заново, обладать большим магнетическим влиянием и властью в наиболее опасную слабость характера — излишнюю способность адаптироваться к материи, наполняющей жизнь, — что, собственно, и произошло.

Он окончил Московскую консерваторию в 1958 году, аспирантуру — в 1961-м.

С этого же года по 1972-й преподавал в ней инструменталовку, чтение партитур, полифонию и композицию. К сорока годам он написал свою Первую симфонию, которую посвятил своему другу Геннадию Рождественскому, и тот впервые исполнил ее в городе Горьком 9 февраля 1974 года. Симфония произвела эффект взрыва в музыкальной Вселенной и рождение в ней новой звезды. Через 12 лет взрывная волна этой симфонии докатилась до Москвы и сделала его небожителем.

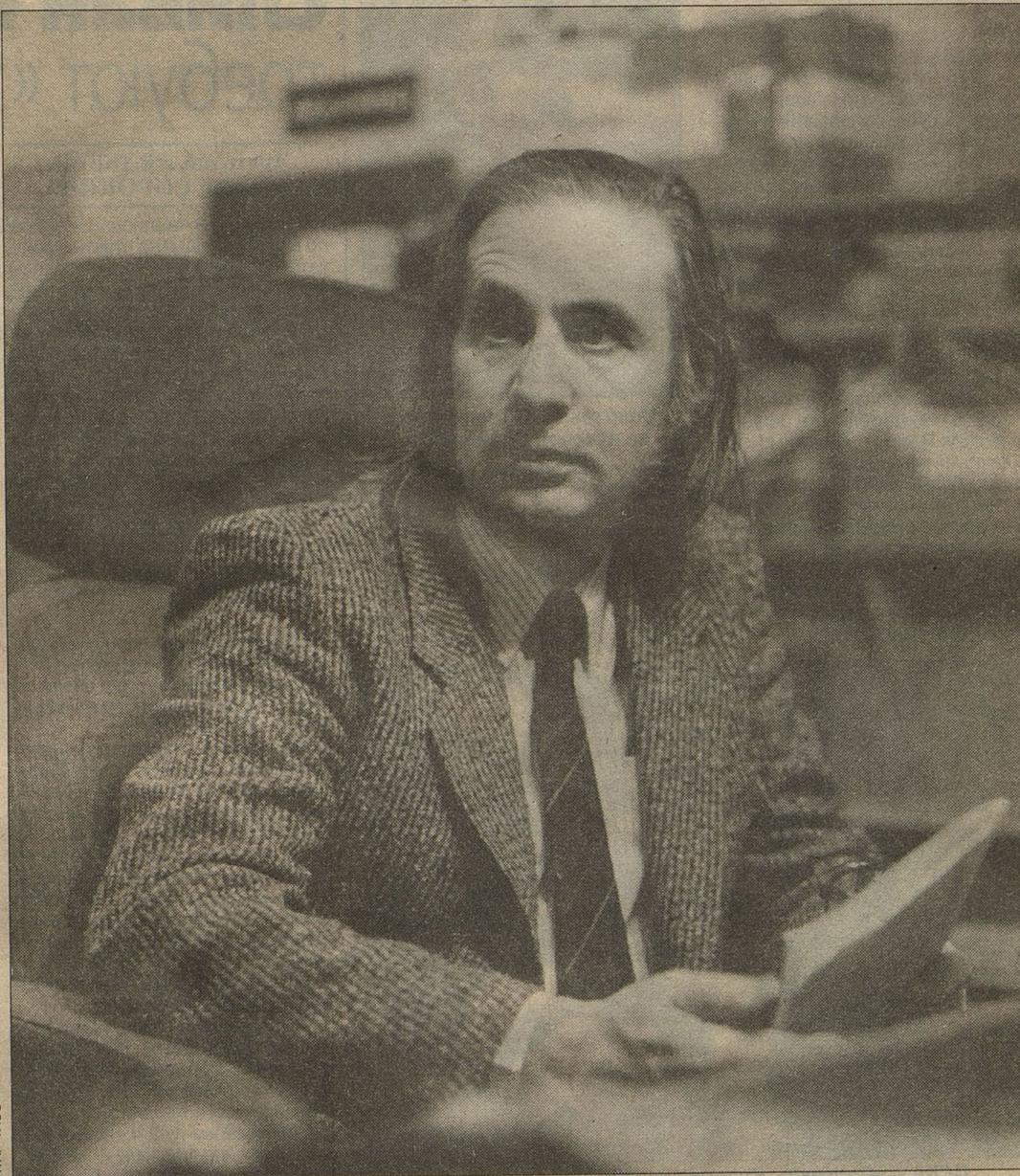
Поцелуй вечности

Вы знаете, как целует Вечность? Она отнимает то руку, то ногу, то память... Когда томительная лихорадка «нечто» Первой симфонии докатилась до Москвы, Шнитке разбил первый инсульт.

Я помню эту походку, когда он шел под овацию, ступая, именно ступая, по осевой дорожке Большого зала Московской консерватории к сцене, на которой стоял сияющий герой Рабле — Геннадий Рождественский со своим оркестром. Первые скрипки (а у маэстро все скрипки были первыми) барабанили смычками по люпитрам, зал лупил в ладоши, а он, будто ступая по воде, осторожно нес себя к сцене, опасаясь, как бы не задеть под своей хрупкой оболочкой какую-нибудь струну, которая, не дай бог, лопнет и прилюдно рассыплет его в звездную пыль...

Дошел. Поклонился, улыбнулся, склонил голову, посыпалась вниз копна черных волос — красавец, вдохнувший в зал всю свою красоту.

Вы спросите, когда это было? Этот миг принадлежит уже Вечно-

ИТАР-ТАСС

сти. Я могу вести отсчет только от февраля 1986 года, когда умерла моя мать. Помню, весной я, приходя в чувство, долго сидел на репетициях оркестра Геннадия Рождественского рядом с консерваторией — в роскошном готическом соборе, где находилась почему-то студия грамзаписи «Мелодия», и они репетировали в небольшом зале с божественной акустикой симфонию Шнитке (в отсутствие автора), и вскоре состоялась премьера, после которой я в длинной череде поздравителей пожимал его теплую и слабую руку на правах сценариста, писавшего очередной опус о Рождественском.

У Гайдны есть «Прощальная» симфония, которая не завершается, а как бы растворяется в Вечности: в финале музыканты один за другим покидают сцену, гася каждый свою свечу, — исходят... Так было в Горьком, в первом от-

делении исторической премьеры. А во втором — вступала Первая симфония Шнитке, тоже с исходящим и незавершенным финалом.

Музыкальный материал симфонии академически укладывался в четыре части композиции симфонического цикла, ясность пропорций которого могла бы послужить уроком для начинающих Моцартов и Сальери. Но содержание их было уже не подвластно уму...

В первой части вдруг пробуждался триумфальный финал Пятой симфонии Бетховена. Во второй части — скерцо (в переводе «шутка») — рефрен был выдержан в стиле баховской инструментальной музыки. Третья часть — медленная, сосредоточенная — как бы предавалась раздумьям о трагической судьбе двадцатого века и готовила полигон для четвертой, финальной части, где Первый концерт Чайковского сталкивался со штраусовским

вальсом «Голубой Дунай» — улыбка сливалась с трагедией, смех со слезами.

Нескромное слово для скромного человека

В 1990 году Шнитке был задан «проклятый вопрос», который, по совести говоря, боязно задавать любому живущему на земле человеку (но сейчас можно):

— Как вы относитесь к эпитету «гениальный»?

— Ко всем эпитетам отношусь с большим скепсисом. Раздача титулов — это насаждение неточных определений. Оценка творчества меняется и при жизни художника, и после его кончины, и редко кто знает окончательной. Любимый человек изначально есть все: и гениальный, и еще какой угодно. Заложено в нем может проявиться, а может по каким-то, подчас

случайным, причинам остаться незамеченным. Награжденный весомым эпитетом человек вынужден делиться на себя подлинного со всеми сомнениями и на подтягивающего себя за уши к символу...

«Я, немецкий композитор из России...»

Если хотите, вот вам ответ на поставленный вопрос в одной фразе.

А вот комментарий к его мысли: «Любой человек изначально есть все... и еще какой угодно». 5 сентября в Доме Ханжонкова состоялся вечер его памяти. Начало — в 18.00. Без четверти в зале сидело 10 человек. К началу их оказалось 25. Потом подошло еще несколько случайных прохожих, потому что вечер, объявленный за деньги, сделали бесплатным. Впереди меня уселась какая-то бомжиха с сумками и весь вечер, как крыса, шуршала газетами. А, наверное, и для нее он писал свою симфонию, свою оперу, свой реквием — для человека какого угодно, и такую жизнь он слышал в своей музыке.

Эту «тму низких истин» искупала адекватная моменту, цельная и призывавшая милость к падшим, аура, исходившая от гостей вечера: Марины Михайловны Бабаки, режиссера документального фильма «Я, немецкий композитор из России...», композитора Геннадия Ивановича Алексахина, исполнившего свой «Траурный марш» по памяти, он не успел даже записать его в ноты, и Александра Наумовича Митты, плененного музыкой композитора, с которым он работал на «четыре с половиной картинах»...

«Половинка» заключала в себе довольно характерную для Шнитке историю. Митта взялся за заказную 30-минутную «ленточку» для экспортной продажи (у нас ее никто не видел) с условной темой «Клоуны и дети» и попросил написать Шнитке вступительный марш про цирк. Музыка получилась на редкость красивой. Картина ушла. Митта стало жалко этой ушедшей «за бугор» красоты, и он предложил композитору оформить ее в самостоятельное произведение и издать — сделать вещь.

— Зачем же мне писать, — огорчился Шнитке. — Уж если я сяду, я напишу новую.

Первая его опера, которую он сочинил в 1962 году, называлась «Одиннадцатая заповедь». В 1965-м он «озвучил» три стихотворения Марины Цветаевой для меццо-сопрано. В 1974-м написал сценическую композицию «Желтый звук» по Василию Кандинскому... Он был переполнен музыкальными идеями, самыми смелыми, как сложившаяся вдруг в странный, но емкий образ опера «Жизнь с идиотом», самыми пара-

доксальными — в одном своем сочинении он, дитя протестантизма, лютеранства, православия, ищет и находит себе одного музыкального Бога, помня слово Божие, что для Бога нет ни эллина, ни иудея...

Другая «моцартовская» история была связана с фильмом Митты «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» (он был показан на вечере). Титры этого волшебного по дворцово-парковой красоте зрелища, искусно снятого как ожившее живописное полотно, начинались под тающей перезвон колокольчиков...

Митта долго объяснял композитору, какую музыку он хотел бы услышать в фильме... «и тут же чтоб она переходила бы в марш, и тут же чтоб мы смеялись над этим маршем!»...

— Вы, наверное, хотите вот это... — и он наиграл «вот это» на фортепиано.

— Да! Именно это.

— Ну я уже не помню, это импровизация.

— А я записал на диктофон! У меня есть запись... И все. Нота-ноту это вошло в фильм.

Митта настаивал этой историей на гениальности композитора, а я грешным делом думаю, что это была для него просто легкая музыка.

Когда в 1972 году у Шнитке умерла мать, он четыре года ткал на своем музыкальном станке посвящение ее памяти... Однажды в разговоре у него проскользнула фраза: «Симфония, она же месса».

Девять лет Юрий Башмет просил Шнитке написать ему концерт для альты. Когда долгожданное дитя появилось на свет, музыкант сказал:

— Это человек сочинить не может. Это ему кто-то продиктовал...

И пока он погружался в пучину замысла, из пучины шепнули ему про первый инсульт Шнитке, совпавший с этой работой...

— Не надо было так далеко заходить... — вздохнул композитор. Кто знает...

В возрасте десяти лет Шнитке начал писать «древнегреческие» трагедии с древнегреческими персонажами. Как известно, основой их являются глобальные конфликты, коренные проблемы бытия, столкновения личности с судьбой, а трагическая коллизия обычно разрешается гибелью главного героя.

С тех пор он по сути не прерывал начатой с детства работы, только открыл и все более совершенствовал в этом письме другой язык — музыкальный — и непрерывно менял сюжеты и персонажей.

Он отважно входил в драматургию и образ каждого из них, все смелее примеряя на себя роль главного героя античной трагедии наших дней.

А совсем недавно он сыграл ее в Гамбурге. И она ему удалась.